Риналь Мухаметов рассказал о съемках в фильме "Холодное танго"

Российский актер Риналь Мухаметов, сыгравший главную роль в фильме “Холодное танго” Павла Чухрая, в эксклюзивном интервью рассказал о том, как проходил процесс съемок военной драмы и как складывались отношения с режиссером картины. Напомним, что премьера в кинотеатрах состоится 22 июня.

Риналь Мухаметов:

Кастинг был весьма непростой. Мы обменялись с Павлом Григорьевич Чухраем телефонами, вели редкую беседу из серии “все в порядке”. А потом он позвонил: “Риналь, здравствуйте. Мы определились, это будете вы”. Материал был сложный, пробы были затратные, поэтому я

очень обрадовался. До этого момента у меня не было таких серьезных ролей, и я понял – раз уж это происходит, значит есть в этом внутренняя необходимость, время пришло. И я ответил: “Спасибо, очень рад, что все это было не зря”.

Сначала я просто записывал визитную карточку: “Здравствуйте, меня зовут Риналь Мухаметов, я выпускник, играл там-то, люблю то-то…”. Потом были пробы, потом пробы с режиссером. Я не понимал, прошли ли они плохо или хорошо. Потом были пробы с Юлей Пересильд…

Проходит пара дней, вновь звонит Павел Григорьевич и говорит: “Риналь, здравствуйте. Мы подумали, все-таки, наверное, нет. Все-таки вы очень молоды, а возраст нам важен”. Я постарался легко ответит, сказал: “Ок, все понятно, хорошо”. Это было очень неловко: кажется, что – вот, тебе что-то такое интересное сейчас предстоит, а потом оказывается, что нет – не ты, не с тобой все это происходит”.

Проходит время, достаточно много времени. Звонит мне непосредственно сама продюсер – Сабина Еремеева: “Риналь, здравствуй. Я, конечно, понимаю все, ты дико устал, наверно, перенервничал, но мы решили, что это будешь ты. Ты не очень зол, как ты на это смотришь?” Я сказал, что я очень хочу, чтобы получилось это кино и случилась эта история. Я задал вопрос: “А это уже финальное решение?”, и получил ответ: “Надеюсь, да”. Я понял уже тогда, что все будет не просто.

Я рад, что фильм наконец выходит. И большое спасибо Сабине за эту невероятную поддержку. Я рад, что все состоялось, рад знакомству с Павлом Чухраем и Студией СЛОН.

Погружение в роль проходило тяжело. Это совсем не похоже на меня, я другой – другой органики, психики. К тому же, я совсем не знаю, на самом деле, что такое война. А нужно вытащить из себя человека, который там был, прошел детский дом… И когда я слышу актерские разговоры о том, мол, что вот – я играл человека, прошедшего войну, я знаю, что это такое… Меня это очень раздражает, это полное вранье! Поэтому я взял за основу как можно больше этого не понимать, и страдать от этого непонимания как можно больше.

Мы привыкли, что День Победы – это праздник. Почему-то. Все дарят цветы, ходят на демонстрации. А ведь это был ужас. Нельзя забывать об этой стороне. Поменьше энтузиазма… Мы продолжаем, повторяем те же ошибки.

Я засовывал себе в голову эту мысль, память о трагедии. И это, наверно, позволило мне найти, как бы это сказать – умерший тон жизни, года вроде бы человек живой, но внутри – абсолютно мертвый. И на этой мертвой почве, по которой прошла лава войны, на этой почве, где все выжжено и расти ничего не может, пытался заново построить жизнь своего героя. Возможно, эта жизнь бессмысленна, и жить будут только наши дети. Что-то светлое может прийти только к ним.

Пытался таким образом найти не надуманный, правильный тон.

В фильме очень особая, своя специфика существования. Такой актерской школы уже нет. Я понимал, что режиссер мыслит очень строго и сухо о жизни. От четко знает, чего хочет и добивается этого жесткими методами. Угодить ему сложно, важно быть максимально честным. Его недовольство или неудовлетворенность от работы актера – это способ, которым он заставляет тебя постоянно думать, переломить в себе неспособность соответствовать

замыслу. Отсюда и рождается интерес – как понравится настолько суровому человеку. И когда получалось, приходил азарт.

Доказать режиссеру, что ты его понимаешь – вот задача. Между нами поначалу была огромная пропасть, разница в масштабах очевидна: допрыгнуть до Павла Григорьевича просто невозможно. Это очень болезненная, но необходимая школа. Такое чувство, что ты стоишь один посреди бескрайнего поля и задается один-единственный вопрос: “Что вы можете сказать?”.

С Юлей было чуть-чуть проще. Мы разговаривали о многом, спорили. И постоянно сближались, доказывая каждый свою правду. Мы до сих пор в дружеских отношениях. Это очень радостно. Встречаемся мы редко, потому что Юля – ее можно назвать “Леди Работа”, которая способна работать нон-стоп. Это определенный тип людей, таких мало. Я так не могу, мне нужно время на семью, на себя. Я хочу, чтобы работа вела со мной диалог, тоже имела мои интересы в виду.

Я не постоянно глубокоплавающий человек, мне нужно выплывать, чтобы понежиться. Я такой котик, который любит иногда немного солнца, отдыха. Я могу радоваться работе только когда это не на износ. Но фильм “Холодное танго” – это такой шторм, который иногда случается в океане, и через который нужно пройти. Это ураган, после которого приятно осознавать, что ты выжил.

Макс – очень сложный герой. Когда читал сценарий, понимал, какой он мужественный человек. Пройдя такой ужас, он все-таки возвращается в свой город ради одной цели – найти Лайму, любить. Это его главная черта. А его вновь заставляют “воевать”. Ему вновь указывают на врагов, заставляют ненавидеть, причинять боль, хотя он – человек музыки, аккордеонист – хочет мирной, спокойной жизни. Ему даже за любовь приходится воевать.

Любит ли его Лайма, какие чувства она испытывает к нему – он об этом не думает. Он знает, что он ее любит. Он видит, что она его не понимает, не принимает, он испытывает страх, что они никогда не будут вместе. Это такое самоубийство, на которое он решается. И в этом его мужество тоже.

У меня возник образ, картина такая – два человека, которые занимаются любовью на грубой наждачной бумаге. У них не осталось ни одного кусочка собственной кожи. Это “обтесанные” люди, которые каждый раз с невероятной болью прикасаются друг к другу. Не каждому дана такая любовь.

Я конечно познакомился с Елисеем – исполнителем роли Макса в детстве. Он тоже попал под тяжелый удар плети этого фильма, прямо скажем. Для него съемки были настоящим испытанием, это очевидно. Он отчаянно бросался в пучину и, как мне кажется, справился со своей задачей. У Елисея была пара сцен, очень тяжелых физически – ему приходилось падать, пробираться сквозь лес, идти через ручей.

Еще больше меня потрясла Ася, совсем юная, но со взглядом таким цепким. В таких глазах читаешь судьбу. У нее бешеный характер, и если она пронесет его дальше, она будет круче какой-нибудь Кары Делевинь (британская модель и актриса).

Огромное спасибо Сергею Леонидовичу (Гармаш). Он в паре моментов, когда у меня просто уже опускались руки и я не понимал своего героя, он спасал меня своей поддержкой. Он ходил

к плейбеку, смотрел мои крупные планы, задавал вопросы, пытаясь меня направить. Это что-то типа мастер-класса. Павел Григорьевич пугал меня им, говорил: “Сейчас приедет Гармаш, с ним не получится улыбаться, знаешь, какой он серьезный…”. Но все было немного иначе.

Это мой опыт, мои воспоминания, моя актерская игра. Такие фильмы делают тебя сильнее, в них ты понимаешь, что можешь сделать гораздо больше, чем привык до этого. Конечно, все мне говорят, да и сам я понимаю, что не смогу вечно играть улыбчивых парней. Хочется посмотреть на мужчину, не на мальчика. И “Холодное танго” мне дало такую возможность – увидеть в себе мужчину. Поэтому большое спасибо всей творческой группе, режиссеру, оператору, Юле – все-всем, кто в этом участвовал.

Первым, кто научил меня думать в кадре был мой мастер – Александр Анатольевич (Прошкин), на фильме “Искупление”. А Чухрай показал мне, что такое настоящее советское кино – в хорошем смысле. Это хорошая старая школа. Это тот фундамент, на котором строятся сегодня все “лофты”.

Я брал уроки игры на аккордеоне, чтобы в кадре правильно двигались пальцы. Конечно, я не играл сам. Когда поставили мне минусовку, ассистент, который меня всему учил, сказал, что так даже люди на выпускных экзаменах не играют. Я просто учился раздвигать меха, работать пальцами. Музыкального образования у меня нет, я самоучка, ударник. В итоге Анатолий – учитель, подарил даже мне аккордеон.

Танцы я люблю, с этим не было проблем. Танго настоящее. У нас был потрясающий хореограф, мы быстро поставили его. Задача же была не в том, чтоб показать танцоров. Лайма и Макс – не танцоры. Поэтому они имитируют, чтобы не было видно, чтоб актеры пытаются хорошо танцевать.

Фильм из серии “ищущий да найдет”. Человек, который понимает, что он человек – на этот фильм, конечно, пойдет. Для него эта картина будет важна. Это очень дорогой винтаж, на который не у каждого хватит “финансов”.

Сколько ни снимай таких фильмов, все равно находятся три-четыре-пять человек, которые хотят убить этот мир. А нужен ли этот мир – задают вопрос. Да, конечно. Говорят, что не бывает белого без черного. Мне кажется, пора прекратить апеллировать этим: мы все в душе хотим хорошего – любви, счастья. Но мир уже сошел с ума, деньги кажутся приятнее. А это кино не про деньги, а про настоящие чувства.

Эксклюзивное интервью предоставлено кинотеатром “Синема Парк”.